

Елена Фёдорова

**УЧИТЕЛЬ ИЗЯЩНОЙ
СЛОВЕСНОСТИ**

роман

Елена Фёдорова

**Учитель изящной
словесности. Роман**

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Учитель изящной словесности. Роман / Е. Фёдорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501101-5

Родители отправляют единственную дочь Соню в гимназию, не подозревая, что обрекают её на серьёзные испытания. Соня попадает в зазеркалье, где правят иные законы, и люди становятся манекенами. Чтобы избежать этой участи, Соне предстоит ответить на множество вопросов и проникнуть в тайны учителя изящной словесности...

ISBN 978-5-00-501101-5

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

Учитель изящной словесности	7
Зазеркалье	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Учитель изящной словесности Роман

Елена Фёдорова

Фотограф Тамара Антипина

Корректор Мария Ромаданова

© Елена Фёдорова, 2019

© Тамара Антипина, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-1101-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Фёдорова родилась на Чукотке в семье военных врачей. Работала стюардессой Международных линий Аэрофлота, окончила Всесоюзный университет искусств, курсы тележурналистов в Останкино, вела передачи на Подмосковном телеканале ТРК «Лобня» и писала свои книги. Их уже более сорока, суммарный тираж перевалил за пятьдесят тысяч. Три книги переведены на английский язык и находятся в Доме Поэтов в Нью-Йорке. На стихи Елены написано около двухсот песен.

Елена Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России и Союза писателей XXI века, Почётный работник культуры города Лобня, стипендиат Губернатора Московской обла-

сти в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусств», лауреат премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье», финалист национальных литературных премий «Писатель года – 2014» и «Дама фантастики – 2017», победитель Первого альтернативного конкурса «Новое имя в фантастике», лауреат международной литературной премии имени Леонардо, номинирована на Премию Мира, входит в пятьдесят лучших авторов по версии газеты «Литературные Известия», победитель в конкурсах поэзии имени Марины Цветаевой, награждена медалями и многочисленными дипломами за вклад в детскую и фантастическую литературу.

Книга «Учитель изящной словесности» стала лауреатом Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга 2019 года».

И ещё одна грань таланта – «Театр Елены Фёдоровой», где она выступает сразу в трёх ролях: сценарист, режиссер, актёр.

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

Учитель изящной словесности

*В точке сольются пространство и время,
Чтобы потом разойтись, разбежаться.
Пространство и время – два измеренья.
Им невозможно вместе остаться.*

*Пространство изменчиво, непостоянно.
А время всегда быть точным стремится.
В точке одной задержаться не может,
Проносится вихрем, песком струится.*

*И новое вечно ищет пространство,
И безграничностью полнится новой,
Чтоб мы скорее смогли разобраться,
Пространство иль время нам взять за основу...*

Она была в него влюблена. И не только она одна. В него были влюблены все гимназистки. Он был учителем изящной словесности. Он был само изящество. Она сравнивала его с дорогой амфорой, привезённой из Афин или Рима. Но никому об этом не говорила. Разве можно сравнивать человека с предметом, пусть даже редкой красоты? Неодушевлённое никогда не станет одушевлённым. А вот одушевлённое может превратиться в ничто, в прах... Значит, сравнивать учителя со старинной амфорой можно. И это её забавляет.

Она сидит на первой парте, подперев щёки кулачками, наблюдает за тем, как изящная амфора преподаёт изящную словесность, и пытается понять, откуда берётся магия, которая заставляет всех без исключения барышень находиться во власти учителя.

– Вы снова витаете в облаках, София? – голос учителя громом с небес.

Она поднимает голову, намереваясь ответить «Да», качает головой и выговаривает намеренно длинное: «Не-е-е-ет».

Изящная амфора ей не верит, смотрит в глаза и задаёт новый вопрос:

– Интересно, милая барышня, о чём вы постоянно мечтаете на моих уроках?

– О вас, – мысленно отвечает Соня, улыбается, пожимает плечами. – Зачем вам знать правду?

– Вы можете повторить правило, которое я сейчас диктовал? – спрашивает учитель, хмурясь. Он смотрит на Соню свысока. Он стоит, она сидит, приподняв вверх голову. Так ей лучше его видно. Видно, что он рассержен по-настоящему. Но даже в своей ярости он прекрасен, и поэтому ей совершенно не страшно. Не страшно, несмотря на то, что она не может повторить правило, которое все барышни, кроме неё, записали под его диктовку.

– После урока вам придется пройти в кабинет директора, – слова учителя звучат как приговор. Соня бледнеет.

– Ты с ума сошла, София, – соседка по парте больно толкает её в бок. – Тебя выгонят из гимназии, Соня. Ты...

Слова девочки Соню огорчают, потому что они возвращают её в реальность, заставляют снова стать ученицей гимназии, которая сидит на уроке словесности. Между ученицей и учителем бездонная пропасть, про-пасть, в которую можно упасть, в которой можно пропасть, потому что там слишком-слишком глубоко, заглядывать в эту бездонность страшно, но любопытство подталкивает Соню к самому краю. Ещё миг, и...

– Дорогая, я давно подумываю о том, что нам пора нашу милую Сонюшку отправить в пансион благородных девиц, – отец семейства Максим Максимович вытер рот тыльной стороной ладони, посмотрел на жену. Та побледнела, уронила ложку.

– О нет, папенька, нет, – воскликнула Соня, бросилась к ногам матери. – Маменька милая, сжальтесь надо мной. Я умру вдали от дома. Я не перенесу разлуки с вами, я...

– София, прекрати истерику, – прикрикнул на неё Максим Максимович. – Мы же не собираемся отправлять тебя за тридевять земель...

– А зря, зря, папенька, – Соня поднялась, с вызовом посмотрела на отца. – Я думаю, что путешествие за тридевять земель было бы интереснее, чем поездка в пансион благородных девиц. В тридевяти царстве, которое находится как раз за тридевять земель, я смогу стать фрейлиной королевы и встретить своего избранника...

– София, – отец постучал пальцем по краю стола. – Твоё чрезмерное увлечение сказками до добра не доведёт. Пора повзрослеть. А чтобы это произошло быстрее, я и собираюсь тебя отправить на обучение.

– Да разве я плохо образованна? – спросила Соня с обидой. – Я и по-французски могу изъясняться. Вот...

Максим Максимович скривился, замахал на дочь руками:

– Произношение у вас, барышня, ужасное. Сразу видно, что вас доморощенный учитель обучал, который-то и сам большого толка в науках не знает. Он вас, дорогая, говорить-то научил, но вы так слова произносите, что слушать противно. Разобрать невозможно, о чём идёт речь: о помидорах или о репе. Срам, да и только. Срам. Срам, – стукнул кулаком по столу. – Всё, хватит пререкаться. Завтра я тебя, Соня, везу в пансион, и точка.

– Завтра? – Соня схватилась за голову. – Нет, нет, папенька, только не завтра, умоляю. У меня важная встреча назначена на завтра, я...

– Софья Максимовна, я своих решений не меняю, – Максим Максимович поднялся. – Не возражать мне!

Соня завyla громко, протяжно и убежала к себе. Всю ночь она не спала, оплакивая свою горькую долю, а утром послушно пошла за отцом, как ягнёнок идёт на закланье. Было обидно и нестерпимо больно от того, что жизнь закончилась. Соню столкнули в бездну. Столкнул не кто-то посторонний, а собственные родители. Она им больше не нужна, а значит, жить ей больше незачем. Она не станет барахтаться, не станет выбираться из этой бездны наружу, а сложит руки и пойдет ко дну. Зачем предпринимать какие-то усилия, если самым дорогим людям она больше не нужна?

Соня без внимания выслушала наставления матери, пропустила её слова мимо ушей, уселась в коляску, вцепилась руками в сидение, чтобы ненароком не вывалиться на повороте и не упасть лицом в дорожную пыль. Умирать в пути Соня не хотела. Она решила, что будет лучше умереть в пансионе благородных девиц от тоски и горя, а значит, нужно смотреть на мир с безразличием. Ничто её больше не радует. Жизнь скоро закончится...

Доехали до пансиона быстро. Максим Максимович несказанно обрадовался, увидев ухоженную территорию и красивые здания, украшенные лепниной.

– Матушка моя, как повезло-то тебе! – воскликнул он.

Соня скривилась. Радости отца она разделять не собиралась. Всё здесь было для Сони отвратительным.

Сам директор пансиона вышел навстречу гостям, пожал руку Максиму Максимовичу, задал ему несколько вопросов, тот с подобострастной улыбкой ему ответил. Соня не слушала ни вопросов, ни ответов. Ей было не интересно. Она с отрешённым видом, смотрела на куст шиповника. Умирать расхотелось.

Соня решила, что образ печальной дамы, спящей красавицы, случайно попавшей в этот мир, подойдёт ей больше. Намного приятнее считать всё происходящее дурным сном, который не может длиться вечно, чем представлять себя лежащей в гробу. К тому же, страшный сон скоро закончится и тогда... Соня улыбнулась, но вспомнив про образ печальной дамы, снова нахмурилась, подумала:

– Интересно, дождётся моего возвращения Алексашка или нет?

Мысль о деревенском паренёчке, с которым они сдружились не так давно, добавила горечи в девичье сердце.

– Если бы не папенькина прихоть, мы с Алексашкой умчались бы в дальние дали на поиски счастья и непременно отыскали там то, ради чего стоит жить. Но... – Соня вздохнула. – Из-за папеньки всё полетело в тар-тары. Без Алексашкиной помощи мне не удастся выбраться из этой тюрьмы с красивым названием «Пансион благородных девиц».

– Поздравляю вас, Софья Максимовна, дело улажено, вы приняты! – Максим Максимович обнял Соню за плечи. – Учись хорошо, не подводи нас с матушкой, – поцеловал Соню в лоб. – Да не дуйся ты, Сонька, мы же ради твоего блага стараемся, – пощекотал Соню за бока. Она ещё сильнее насупилась, сказала сквозь зубы:

– Вы предатель, папенька, предатель. Видеть вас не желаю. Уезжайте поскорей и не приезжайте никогда. А я тут с тоски умру, поплачете тогда.

– Прекрати болтать всякий вздор, – приказал Максим Максимович. – Не вздумай тут комедию ломать, ясно. Учись, София, проявляй усердие. Мы за тобой через полгода приедем. Такие правила. Полгода пролетит быстро, не успеешь глазом моргнуть. Господин директор уверил меня, что этот пансион самый лучший в округе. Все воспитанницы безмерно счастливы и довольны, что учатся в та-а-а-ком заведении. Ты, София Максимовна, гордиться должна и нос выше держать.

– А я безмерно несчастна, поэтому гордиться мне нечем и нос высоко держать незачем, – подумала Соня. – Но я не стану вам, папенька, ничего говорить. Знайте, болтушки Сони больше нет, а есть Соня молчунья, грустная барышня-переросток, которую заперли в пансионе.

Распахнулись двери, Максим Максимович попятился, увидев очень высокую, худощавую даму, одетую в тёмно-синее платье до пят. Дама смерила гостей строгим, недоброжелательным взглядом, сказала, что время пребывания посторонних на территории пансиона закончилось, поэтому папаша должен немедленно отправиться восвояси. Максим Максимович раскланялся и побежал к пролетке, забыв от неожиданности попрощаться с дочерью. Соня хмыкнула, покачала головой, подумала:

– Ах, папенька, папенька, это вам нужно манерам обучаться, а не мне, ну да ладно. Всё уже сделано, состряпано...

– Следуйте за мной, барышня, – приказала дама холодным металлическим голосом. – Меня зовут Амалия Львовна. Я покажу Вам комнату, в которой Вы теперь будете жить.

В довольной большой комнате стояло четыре кровати. Дама указала Соне её место и удалилась. Три соседки по комнате толстенные, горластые, неуклюжие и безмерно любопытные Соне ужасно не понравились. Они набросились на неё со множеством неуместных и даже глупых вопросов, и окончательно ввели Соню в состояние глубочайшей меланхолии.

– Замолчите, глупые гусыни! Оставьте меня в покое и никогда, не при каких обстоятельствах со мной больше не заговаривайте! – зажав уши, закричала Соня.

– Что ты сказала? – воскликнула самая бойкая барышня, упершись кулачками в бока. Соня повторила свои слова ещё раз. Гусыни дружно рассмеялись, заговорили так, словно долго репетировали свою пламенную речь:

– Раз ты такая гадкая, безмозглая дылда, то знай, что мы объявляем тебе войну. Ты для нас – пустое место. Тебя здесь нет. Никто тебя замечать не будет. Ясно?

– Ясно, – Соня улыбнулась. После этих обидных слов она почувствовала такой прилив радости, что захотелось петь и танцевать.

– Ладно, поживу здесь немного, а там видно будет, – решила она и улеглась на кровать.

Барышни о чём-то шушукались. Соня не обращала на них внимания. Она лежала, закинув руки за голову, и смотрела на пятнышко на стене, похожее на чей-то глаз. Пятнышко видоизменилось, превратилось в пещеру, манящую своей темной неизвестностью. Соне представилось, как она входит туда и...

– Кто вам позволил лежать на кровати? – грянул над Сониной головой металлический голос Амалии Львовны. – Потрудитесь встать и последовать за мной, чтобы выслушать правила нашего пансиона.

Соня поднялась, побрела за дамой, понутив голову. Амалия Львовна чеканила шаги и громко перечисляла то, что барышням, живущим в пансионе, нельзя делать ни в коем случае.

– А что же в вашем пансионе можно? – спросила Соня, когда дама умолкла.

– Молчать, – ответила та, смерив Соню таким злым взглядом, что ей стало страшно. Но испуг не сумел завладеть Сониным сознанием, потому что дама распахнула дверь и сказала:

– Господин директор распорядился определить вас в этот класс и посадить за первую парту в центральном ряду. Ваше место справа. Садитесь. Скоро придут остальные гимназистки. Всего в классе четырнадцать человек. Вы будете пятнадцатой.

Соня перешагнула через порог, осмотрелась. Класс был просторным и светлым. Девять одинаковых парт стоят в три ряда. Стол учителя располагается напротив. На большой чёрной доске мелом написано число.

– Десятое сентября, – прочла Соня по слогам, вздохнула. – Уже сентябрь, а это значит...

Она не договорила, распахнулась дверь, пропуская в класс четырнадцать учениц. Все они были одеты в одинаковые тёмно-синие платья до пят с белыми кружевными воротничками и манжетами на длинных рукавах. Волосы у всех были аккуратно зачесаны и закручены в тугие жгуты на затылках. Все барышни были высокими, красивыми, опрятными.

Соня в своём цветастом платьишке с воланами выглядела рядом с ними деревенской простушкой. К тому же сегодня она нарочно заплела свои рыжие выющиеся от природы волосы так, чтобы все кудряшки были видны, а ветер-проказник завершил причёску, создав на Сониной голове такой хаос, что смотреть без смеха на его фантазию было невозможно.

– Ах! – воскликнули разом барышни. На их лицах отразилось презрение. – У нас новенькая.

– Привет, – сказала Соня с улыбкой. – Я тоже всех вас рада видеть. Мне приказали сесть на первую парту справа, – уселась, положила перед собой руки. – Можете и вы занимать свои места.

Барышни переглянулись, поплыли каждая к своей парте. Именно поплыли. Движения их были такими неспешными, грациозными, и Соне подумалось, что перед ней не люди, а лебеди, гордые птицы, не желающие обращать внимание на глупую пастушку, присевшую на берегу озера.

– Меня зовут Татьяна, – представилась Соне соседка по парте.

– София Максимовна Грендаль, – с гордостью проговорила Соня.

– Миндаль? – переспросила Татьяна удивлённо.

– Нет, душа моя, – ответила Соня со снисходительной улыбкой. – Миндаль – это орех, который любят лебеди. А моя фамилия Грендаль! Мой прапрадед Грендаль, человек, глядящий вдаль. И не просто человек, а гренадер, воин, от умения и сноровки которого зависел исход боевого сражения...

Если бы дверь класса не распахнулась, неизвестно, что ещё напридумывала бы Соня, София Максимовна. Поток её фантазий прервал учитель, вошедший в класс.

Увидев его, гимназистки как одна вспорхнули со своих мест, замерли, вытянув вперед шеи. Соне показалось, что каждая из них мысленно целует вошедшего в щёку. Он снисходительно улыбается, позволяя им выполнить положенный ритуал.

Минуту спустя он видит среди прекрасных барышень смешную, растрёпанную пастушку, сидящую за первой партой. Она одна не удосужилась подняться, когда он вошёл. Она смотрит на него во все глаза и что-то беззвучно шепчет.

– Добрый день, – говорит учитель, подав гимназисткам знак. Они опускаются на свои места, ждут, что будет дальше.

Учитель смотрит на Соню, спрашивает:

– Значит, это вы София Грендаль, наша новая ученица?

Она кивает, радуясь, что он верно произносит её фамилию.

– А меня зовут Фёдор Ильич Соловьёв. Я учитель изящной словесности. Сегодня мы поговорим о правописании...

– Лучше бы вы спели нам свою песню, господин Соловей, – думает Соня, взявшись за перо.

Она добросовестно записывает всё, что говорит Фёдор Ильич, старается изо всех сил. Ей нравится быть прилежной ученицей господина Соловья. Но когда Фёдор Ильич подходит к доске и берёт в руки мел, Соне приходит в голову неожиданная, бредовая мысль, от которой перехватывает дыхание:

– Никакой он не соловей. Он – изящная амфора, лежащая на дне озера. Белые лебеди прилетают к этому озеру, чтобы полюбоваться ею. Они смотрят на амфору через прозрачную воду, но не могут до неё дотянуться. Озеро слишком глубокое. До дна может достать только пастушка, сидящая на берегу. Но она не станет прыгать в холодную воду, потому что не умеет плавать. Пока не умеет. Но она обязательно научится, и тогда...

– На мой вопрос ответит София Грендаль, – изящная амфора смотрит на неё с улыбкой. – Вы можете ответить?

– Да, – Соня кивает головой.

Барышни звонко смеются. Им вторит залиvistый звонок. Фёдор Ильич что-то говорит и выходит, оставив дверь широко открытой.

– Вы такая смешная барышня, Соня, – Татьяна с интересом разглядывает Сонино раскрасневшееся лицо. – Вам следует быть осмотрительней, чтобы не попадать в нелепые ситуации.

Соня слушает её, но ничего не понимает. Ей кажется, что Татьяна говорит на каком-то незнакомом языке. Внезапная догадка осеняет Соню:

– Всё верно, верно, Таня говорит на птичьем языке, поэтому мне незачем вникать в смысл её слов!

Соня вскакивает и выбегает из класса, не дослушав соседку. В коридоре тихо и прохладно. В простенках напротив дверей высокие узкие окна, за которыми – настоящая жизнь. Соня прижимается носом к стеклу, до боли в глазах всматривается вдаль. Где-то там – её дом, её добрый друг Алексашка, готовый ради неё на всё.

– Спаси меня, спаси, – мысленно посылает ему приказ Соня, хотя прекрасно знает, что он этот приказ не услышит. Никто не скажет Алексашке, куда исчезла Соня. Он будет думать, что она его предала, что передумала давать клятву верности и бежать с ним в дальние дали. Невдомёк будет Алексашке, что Соня томится в заточении и посылает ему призывы о помощи.

– Соня, вернитесь в класс. Сейчас будет урок точных наук, – приказала классная дама, положив Соне на плечо свою тяжелую руку. – После урока я отведу вас к модистке. Она подберёт вам подходящий наряд. Смотреть на эти воланы и рюши нет никаких сил.

– Не смотрите, – хотела сказать Соня, но промолчала...

Зазеркалье

После уроков Амалия Львовна отвела Соню к модистке, мастерская которой находилась во флигеле и напоминала лавку старьёвщика. На полу валялись обрезки ткани, кружев, тесьмы, на столе лежали горы бумажных выкроек, ножницы, катушки ниток, иголки, булавки, какие-то странные приспособления, о предназначении которых Соня ничего не знала. Возле стола стояли два черных безголовых и безруких манекена, напугавших Соню. Не успела она совладать со своими эмоциями, распахнулась дверь и в мастерскую вошла модистка – молодящаяся особа с высоченной замысловатой причёской и длинной гирляндой тряпичных бус на шее. Её большие карие глаза были так сильно подведены, губы так ярко накрашены, а щёки так сильно нарумянены, словно она собиралась играть роль шута или клоуна на карнавале.

– Ах, какая прелесть! Какие чудесные воланчики у вас на платье, – модистка подбежала к Соне, принялась кружить её, напевая какой-то фривольный мотивчик. Воланы и рюши на Сонином платье заплясали, превратившись в большой радужный круг.

– Давно я так не веселилась, – сказала модистка, перестав кружить Соню. – Вам идёт этот наряд, моя милая, но... – она усадила Соню на высокий стул. – Но правилами пансиона предусмотрена иная одежда для воспитанниц. Униформа нужна для того, чтобы все гимназистки забыли про свою индивидуальность. И вам, моя милая, придётся со своими воланами расстаться, – модистка схватила в руки ножницы, щёлкнула ими несколько раз, двинулась к Соне.

– Нет, не делайте этого! – закричала Соня, заслонившись руками.

Модистка рассмеялась:

– Бедняжка моя, вы подумали, что я собираюсь искромсать на мелкие кусочки ваш наряд, поэтому так испугались и побледнели. А я собиралась отрезать кусок материи для вашего нового платья, – она выхватила из-за Сониной спины ткань, набросила её на плечи одного из манекенов, отрезала кусок нужной длины. Приказала Соне встать, сняла с неё мерки, измерила даже голову, записала цифры в тетрадь, воскликнула:

– Вы – идеальная модель, моя дорогая! Давненько я не встречала такой идеальной фигуры. У меня для вас кое-что есть. Минуту терпения.

Модистка исчезла за тканевой занавеской, появилась с другой стороны мастерской, пома-нила Соню:

– Идите в примерочную, моя прелесть.

– Идите, – подтолкнув Соню в спину, приказала Амалия Львовна.

Соня раздвинула пахнущие пылью занавески и попала в зеркальную комнату. Модистка приложила палец к губам, подмигнула Соне, словно приглашала её стать соучастницей тайного действия. Соня понимающе кивнула. Модистка толкнула одно зеркало, второе, третье. Они пришли в движение, повернулись вокруг своей оси, открыв доступ в мир зазеркалья. Соня прижала обе ладони к губам, чтобы не закричать от восторга. В зазеркалье жили платья разных фасонов и расцветок. К каждому из них была подобрана шляпка и гирлянда украшений. Но больше всего поразило Соню, что надеты платья были на гипсовые манекены с подведёнными глазами и ярко накрашенными, как у модистки, губами. Соне почудилось, что это заколдованные люди, которые попали сюда за непослушание. Она замерла перед одной из фигур.

– Это я, – шепнула модистка, встав рядом с манекеном. – Сходство потрясающее, верно?

Соня кивнула. Модистка сняла с манекена шляпку, надела её на свою высокую причёску, улыбнулась:

– Мой друг – скульптор. Он в меня безнадежно влюблен, поэтому делает этих Галатей похожими на меня. А мне бы хотелось, чтобы в моей коллекции появилась Галатея, похожая на вас, Софья Максимовна. Хотите примерить вот это шикарное королевское платье?

Соня попятилась, замотала головой:

– Нет, не сейчас.

– Боитесь, – модистка снисходительно улыбнулась, водрузила шляпку на голову манекена, толкнула зеркало. – Правильно. Вам, Сонечка, незачем демонстрировать свою индивидуальность и грациозность. А главное, её здесь некому демонстрировать. Наденьте вот это платье и... – усмеялась, – будьте как все. Будьте серой уточкой, качающейся на волнах большого озера, – подала Соне синее платье гимназистки, вышла.

Соня сбросила своё яркое платьице, надела длинное синее платье гимназистки, замерла перед зеркалом. Новый наряд преобразил её до неузнаваемости. Платье сидело так идеально, что трудно было поверить, что его шили без примерки. Соня вышла из-за ширмы. Амалия Львовна одобрительно кивнула, сказала:

– Вы – волшебница, мадам Ирма, нашу новенькую просто не узнать. Из деревенской простушки она превратилась в благородную барышню. Нам предстоит к этому наряду добавить великосветские манеры, чтобы картина превращения дурнушки в красавицу была завершена окончательно.

– Желаю удачи, – сказала мадам Ирма, распахивая перед Соней дверь.

– Доброй ночи, – проговорила Соня, отправляясь к себе.

Подойдя к двери комнаты, Соня вспомнила, что оставила своё яркое платье у модистки. Она хотела тут же побежать во флигель, но передумала, испугавшись новой встречи с манекенами, спрятанными в зазеркалье.

– Почему мадам Ирма сравнила меня с серой уточкой? – запоздало подумала Соня. – Почему ей в голову пришло такое же сравнение, как и мне? Или это мне приходят в голову необычные сравнения, потому что всё в этом пансионе какое-то подозрительное?

Соня распахнула дверь, вошла. Три толстушки в голос воскликнули:

– Ах! Кто вы?

– София Максимовна Грендаль, – ответила она. – Сегодня утром вы изволили...

– Сегодня утром мы вели себя отвратительно, – сказала самая бойкая девочка. – Простите нас. Мы готовы искупить свою вину. Мы...

– Довольно, – Соня, подняв вверх руку. Она видела в какой-то книжке, что высокопоставленные особы таким жестом привлекают внимание толпы, когда желают сказать что-то важное. – Довольно. Будем считать всё произошедшее дурным сном. Я проснулась и всё забыла.

– Мы тоже, – воскликнули девочки.

Они поочередно подошли к Соне, поклонились ей, представились: Тоня, Катя, Валя – ученицы третьего класса. Им по двенадцать лет. Ещё четыре года они будут жить здесь. Они несказанно счастливы, что учатся в этом прекрасном пансионе.

А Соня несказанно несчастна. Ей уже пятнадцать. Через год можно выходить замуж. Но папенька не желает, чтобы его единственная дочь обзаводилась семьёй, поэтому он и запрягал её сюда, в этот пансион, подальше от женихов, обивающих порог их дома. Папенька хотел спасти дочь, но... Соня рассмеялась.

– Но именно здесь я встретила свою судьбу. Его зовут Фёдор Ильич Соловьёв. Он изящен, как... – Соня прикрыла глаза. Ей не хотелось никому рассказывать о том, что она сравнила учителя изящной словесности с амфорой. Это её секрет. Зачем глупым доверчивым малышам о нём знать?

– Ах, София Максимовна, какая же вы счастливая! – проговорила мечтательно Валя. – В вас нельзя не влюбиться. Вы само совершенство. Вы... – смутилась от Сониного строго взгляда. – Простите. Мы тут вас обсуждали, вернее ваши волосы. Они такие пышные, такие курчавые, словно вы из сказочного королевства к нам пожаловали. И платье у вас та-а-кое было, глаз не оторвать. Вы и теперь в наряде гимназистки на королеву похожи. На вас смотреть – одно удовольствие. Правда-правда.

– Ну и смотрите, – разрешила Соня. – Только смотрите – дырку не проглядите, а то как же я с дыркой-то ходить буду? Не примут меня обратно в моё королевство. Скажут: «Не нужна нам такая самозванка дырявая».

Девочки рассмеялись вслед за Соней.

– Как хорошо, что вас в нашу комнату поселили, – сказала Тоня. – Мы теперь по-другому заживём. Вы – особенная барышня. Вы, София Максимовна, станете нашей спасительницей от уныния.

– А вы моим спасением будете, – сказала Соня. – Будем друг друга веселить, чтобы не превратиться в гипсовые фигуры мадам Ирмы.

– Ах, что вы, Сонечка, такое говорите? – воскликнула Катя, в её глазах отразился неподдельный ужас. Соня насторожилась. Катя подбежала к двери, распахнула её, опасливо посмотрела по сторонам, закрыла дверь, подошла к Соне вплотную, зашептала ей на ухо:

– Никогда, никогда не произносите это имя здесь. Никогда не ходите одна во флигель. Никогда не оставляйте у модистки своих вещей.

– А я уже оставила там своё платье, которым вы так восхищались, – сказала Соня растерянно.

Девочки ахнули. Соня уселась на кровать, скрестила на груди руки, посмотрела на них, спросила:

– Интересно, почему вокруг этой женщины столько запретов и столько тайн?

– Потом, потом всё узнаете, – ответила Катя и приложила палец к губам.

Дверь распахнулась прежде, чем Соня задала новый вопрос. На пороге появилась Амалия Львовна. Она свысока посмотрела на воспитанниц, задала несколько вопросов, на которые девочки с готовностью ответили. Амалия Львовна пожелала всем доброй ночи, удалилась. Катя, Тоня и Валя улеглись в свои кровати и моментально уснули.

Соня заснуть не могла, как ни старалась. Она смотрела на тени, скользящие по потолку, и вспоминала свою вольготную жизнь в родительском доме. Вспоминался ей весельчак Алексашка, который никак не мог взять в толк, зачем Сонечке нужно заниматься с учителем французским языком. Не лучше ли всё это время проводить с удочкой на реке? Или можно, взяв ружьё, устроить стрельбу по уткам, которых в заводи видимо-невидимо.

– Не желаете уток стрелять, так мы вам, барышня, зайцев организуем, – говорил Алексашка, чтобы угодить Соне. – А коль и зайцев вам не нужно, так можно просто на лошадях по полю скакать. Это полезней, чем глаголы зубрить.

– Полезней, – соглашалась Соня. – Но и без глаголов не обойтись. Я же не простая барышня, а королевична будущая.

– Так-то оно так, Сонечка, да лучше бы ты стала моей суженой, в сарафан наряженной, чем холодной белолицей королевой ряженой, – сокрушался Алексашка.

– Почему белолицей? – удивлялась Соня.

– Да потому, что все королевичны на кукол бездушных похожи, – отвечал он, не зная о существовании манекенов и зеркальной комнаты во флигеле, в которой нынче побывала Соня.

Эта комната из её головы не идёт. Зеркала вращаются вокруг своей оси, то скрывая, то открывая гипсовых Галатей.

– А такой, как вы, София Максимовна, у меня нет, – слышится голос модистки. Соня зажимает уши.

– Нет и не будет такой, как я, – шепчет она. – Мой прапрадед Грендаль – победитель, значит, и я не пропаду. Не зря же я такую звучную фамилию ношу. Я – София-воительница. Я за себя постоять смогу.

Это была последняя мысль перед тем, как Соня погрузилась в сон. В сон ли?

Комната качнулась и поплыла куда-то, словно корабль по волнам. На берегу остались все, кто был любим и дорог Соне. Впереди ждала неизвестность. Но она не пугала, а манила своей новизной. Соня вошла в расписной терем и попала в зеркальную комнату модистики. Увидела на стуле свое платье, хотела взять его, но в последний момент отдернула руку. Что-то её насторожило. Что? Присмотрелась. Волянов у платья нет. Куда они подевались? Неужели их отрезала мадам Ирма?

– Отрезала, отрезала себе на бусы, – ответили на немой Сонин вопрос сразу несколько манекенов, выглянувших из зазеркалья. Но это были уже не манекены, а воспитанницы пансиона. Они звонко рассмеялись, поманили Соню:

– Идите к нам, к нам, к нам.

– Неужели вы, София Максимовна, настолько трусливы, что не осмелитесь сделать шаг?

– Я ничего не боюсь, – ответила Соня. – А не иду я к вам потому, что мне нечего делать в зазеркалье.

– А мы хотим, чтобы вы к нам шагнули, – закричали воспитанницы, пытаясь схватить Соню за руки. Она вскрикнула и проснулась.

Приподнялась, потёрла глаза. Комната пуста. Ни Тони, ни Кати, ни Вали нет. Их кровати аккуратно заправлены, окошко приоткрыто. Слышно, как капли дождя стучат по листьям. Эта мелодия Соню успокоила. Она подошла к окну, встала на цыпочки, вдохнула осеннюю прохладу, подумала о том, что жизнь в пансионе не так уж несносна, как ей показалось вначале. Жить здесь можно...

А вечером Сонино настроение изменилось. Она была вне себя и ругала несносный пансион за то, что вредные учителя требуют невозможного. Никто из них не желает понимать, что Сониная голова не в силах вместить сразу столько ненужной информации, которую они усердно впихивают туда. Соня сопротивляется, возмущается, требует пощады, в то время, как остальные гимназистки безропотно выполняют задания учителей.

– Неужели воспитанницы не люди, а манекены? – воскликнула в сердцах Соня и, чтобы проверить свою догадку, ущипнула за бок соседку по парте Татьяну. Та противно взвизгнула и возмущенно прошипела:

– Вы, Вы, Вы... Какая низость, так вести себя, София.

– Простите, я не нарочно, – Соня потупила взор. Раз Татьяна так реагирует на её шалость, значит она живая барышня, а не манекен.

– Я больше не буду, простите, Татьяна. Это случайность.

– Случайность, – фыркнула Татьяна. – Надеюсь, это в первый последний раз.

– В последний, – подтвердила Соня. – Я здесь долго не задержусь. Я скоро уеду, вот увидите.

– Все так говорят, – Татьяна улыбнулась. – Я тоже думала, что сбегу отсюда через неделю, максимум – через две, но... Я здесь уже пятый год. И у вас, Сонечка, ничего не получится.

– Посмотрим, – Соня улыбнулась.

– Да тут и смотреть нечего, – Татьяна поднялась и вышла из класса. А Соня ещё долго сидела за партой и смотрела на чёрную доску, на которой белым мелом были выведены какие-то формулы.

Соня так долго на них смотрела, что они превратились в белое снежное поле, по которому помчались расписные санки...

– И-эх, мороз-воевода, дай ходу! Не морозь, не пугай, лучше снегу поддай! – звонко кричит Алексашка, разгоняя коней.

Ветер свистит в ушах. В лицо Соне летит снег. Алексашка поёт громко. От этой песни на сердце у Сони сладкая истома.

Как по полю, полю снежному
Прокачу я мою нежную.
Прокачу мою красавицу,
Ей со мной кататься нравится.

Золотые бубенцы,
Перезвон малиновый,
Мчимся с миленькой моей
Вдаль дорогой длиною.

Снег летит из под копыт,
Да мороз лютует,
Только Соня не грустит,
Знай меня целует.

Ой, ты, Соня моя Сонюшка.
Ой, ты, воля моя волюшка.
Ой, мороз ты воеводушка,
Не губи мою молодушку.
Не губи, не пугай.
Лучше снегу поддай.

Ни мороз нам нипочём,
Ни метель, ни ветер,
Мы счастливые с тобой
Самые на свете.

Тройка резвая летит,
Солнце светит ярко,
От медовых губ твоих
Ой, на сердце жарко...

– Больно ты приткий, Алексашка, господскую дочь своей называешь, – пожурела его Соня, чтобы скрыть радость.

– А что такого? – спросил он смеясь.

– А то, что папенька мой ни за что не согласится меня тебе в жёны отдать, – ответила Соня.

– А это мы ещё поглядим, Сонечка, – сказал Алексашка, приобняв её. – Я ведь так просто не отступлюсь. Я за тебя, Сонечка, сражаться стану.

– С кем сражаться-то, мой друг? – улыбнулась Соня.

– Да хоть бы и с папенькой твоим, Максимом Максимовичем, – ответил Алексашка.

– С папенькой сражаться не нужно, – строго сказала Соня.

– Не нужно, значит не буду, – рассмеялся он. – Сразимся потом, когда враг какой-нибудь найдётся.

– Потом враг непременно найдётся, – поддакнула ему тогда Соня...

Теперь помощь Алексашкина была бы кстати, но верного Алексашки рядом нет. Соня вздохнула, встала, поплелась в свою комнату. Разговаривать ни с кем не стала. Хотелось денек-другой побыть обиженной, но меланхолия затянулась на несколько месяцев.

Постепенно Соня свыклась с обстановкой пансиона, со странными правилами и строгими требованиями, правда от желания сбежать она так и не отказалась. Тонкой ниточкой, удерживавшей Соню в пансионе, была любовь к учителю изящной словесности. Он один был её спасителем. Соня ждала уроков Фёдора Ильича, чтобы перенестись в сказочную реальность. Поэтому, когда изящная амфора приказала Соне пройти в кабинет директора, она сочла это предательством, ударом в спину.

– Значит вот вы какой, господин Соловьев? – подумала она, одарив Фёдора Ильича недобрым взглядом. – Я пойду, пойду к директору, но вы, мой милый, Соловей, об этом ещё пожалеете.

Прозвенел звонок. Соня встала из-за парты, поплелась за изящной амфорой в директорский кабинет. Остановилась у двери, проговорила через силу:

– Фёдор Ильич, я не знаю, что вас так огорчило в моем поведении, но я честное слово не нарочно. Я...

Он улыбнулся, распахнул дверь, галантно поклонился, пропуская Соню вперёд.

– Прошу вас, Галатея, входите, не бойтесь.

– Что? – Соня растерялась, решила, что это имя ей послышалось. Не мог же учитель так её назвать или мог?

– Проходите, проходите, София Максимовна, вы же смелая барышня. Или вы смелая и решительная не всегда? – спросил Фёдор Ильич.

Соня рассердилась.

– Всегда, не всегда, какая вам разница. Выгоняйте меня из своего пансиона, если это поможет делу. Я ни минуточки не буду сожалеть, что покину эти стены. Что...

– С чего вы взяли, что я вас выгонять собираюсь? – удивился Фёдор Ильич. Взял Соню под локоток, ввёл в кабинет, закрыл дверь. – Я вас, Сонечка, по другому поводу сюда пригласил. Мне с вами хочется без свидетелей поговорить.

– О чём? – пришел черёд удивляться Соне.

В кабинете никого. Они с Фёдором Ильичом стоят слишком близко друг к другу. Соня попятилась, увидев в глазах Фёдора Ильича озорные огоньки похожие на те, что были у Алёсашки, когда он впервые её поцеловал. Тогда Соня чуть не грохнулась в обморок от нахлынувших чувств. Сейчас она дрожит от страха и стыда.

– Неужели изящная амфора собирается меня поцеловать? Нет. Это было бы слишком неправдоподобно, фантастично. Это... Нет, это глупо. С чего это вдруг он меня целовать станет? Кто он, и кто я? Между нами бездна, пропасть, в которой можно про-пасть...

– Соня, София Максимовна, я хочу сделать вам неожиданное, немного странное предложение, – голос Фёдора Ильича откуда-то издалека. – Присядьте.

Она села, потупила взор. Он встал напротив, заговорил, глядя поверх её головы:

– Я несколько месяцев за вами наблюдал, обдумывал, как лучше вам обо всём сказать. Решил, что нужно быть предельно откровенным. Соня, я прошу вас стать... – он замялся.

Она подняла голову, растерянно на него посмотрела.

– Нет, я не могу так, Соня! – воскликнул Фёдор Ильич и выбежал из кабинета, оставив её одну.

Соня долго сидела перед распахнутой дверью, боясь пошевелиться. Коридор был пуст. Ни одна гимназистка не прошла по нему, несмотря на то, что уроки закончились.

– Неужели время остановилось? – подумала Соня. – Но почему оно остановилось для всех, а не только для меня? Что всё это значит? Может быть, это сон, и мне нужно проснуться? Проснуться и ни о чём не вспоминать. Нет проку в моих фантазиях. Одни огорчения.

Соня хлопнула себя ладошками по коленям. Звук её оглушил. Она подумала, что во сне так не бывает. Встала, пошла по коридору, заглядывая в пустые классы. Обошла весь учебный

корпус – никого. Пусто в столовой и спальнях. Тогда Соня отправилась во флигель модистики, решительно распахнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.